

Осторожно 18+!

У Чжоу Юньшэна была странная улыбка. Его правая рука медленно двинулась вверх по плечу монаха, скользнула от шеи к уху, в конце концов поползла вверх по затылку, а затем внезапно притянула его вперед, и он поцеловал его в сухие бледные губы.

Цзы Сюань испугался, но прежде чем он смог прийти в себя, в его рот вторгся гладкий язык другого. Когда другой был у него во рту, он облизывал зубы и десны в медленном, но легком и интенсивном темпе.

Цзы Сюань хотел отказаться, но легким движением кончика языка он спонтанно ответил в ответ, преследуя и играя с ним, не в силах остановиться. В его уме не было места для Будды, писаний или учителей. Он не мог думать ни о чем, кроме как о поцелуе с этим мужчиной.

Чжоу Юньшэн был очень доволен теплой реакцией монаха. Он прижал ладонь к затылку, чтобы углубить поцелуй. Ему хотелось залезть к нему в живот и съесть его сырым. Целуя и посасывая губы, он постепенно оторвался от них и начал кусать и сосать мочки ушей, шею, ключицы и т.д. Его руки скользнули вниз, потирая сильные грудные мышцы и твердый плоский живот, затем обхватили его и без того напряженного гиганта, медленно двигаясь и смеясь.

“Ты нарушил дисциплину "Не иметь похоти". Если ты продолжишь, то окажешься в аду”.

Цзы Сюань на мгновение испуганно проснулся, в его глазах читалось сопротивление.

Чжоу Юньшэн просто развязал брюки и выпустил огромный твердый предмет. Он никогда раньше не использовался. Цвет был белый, а форма красивая. Из отверстия на голове капала белая и мутная жидкость из-за невиданной стимуляции. Картина была очень непристойной.

Чжоу Юньшэн не переставал дразнить монаха. Он также достал свой жесткий мужской предмет и потер их друг о друга.

Возможно, из-за того, что человек, с которым он был близок, был монахом, у которого не должно было быть желаний, он чувствовал себя чрезвычайно эмоционально, толкаясь взад и вперед и увеличивая силу трения. Облизывая ухо монаха, он выдохнул: “Монах, ты знаешь, что мы делаем? Ты хорошо себя чувствуешь? Удобно? Хочешь еще?”.

На лбу Цзы Сюаня вздулись голубые вены. В такт его движениям щеки Цзы Сюаня покраснели. Он явно не мог этого вынести.

Как он мог не знать, что делает? Он хотел поговорить с ним, но тот заставил его нарушить дисциплину "Без похоти" и изолироваться от буддизма. Он намеревался уничтожить его и позволить ему вечно пребывать в аду.

Но, как ни странно, он медленно перестал сопротивляться в объятиях Чжоу Юньшэна. Ему казалось, что если бы этот человек был в аду и если бы он мог каждый день мог прикоснуться к его телу, то ад был бы более счастливым местом, чем рай.

Как раз в тот момент, когда Цзы Сюань намеревался полностью поступиться своими принципами, мужчина внезапно отступил. Он достал носовой платок, начисто вытер красивый стержень, спрятал его в штанах, а затем отошел, не обращая внимания на Цзы Сюаня, который все еще был напряжен, его стержень достигал пупка.

“Ты уходишь вот так?”, - голос Цзы Сюаня был хриплым и полным боли.

“Тебе нелегко практиковаться. Я подумал об этом и решил отпустить тебя”. Чжоу Юньшэн обернулся и махнул рукой. Он сказал, что отпускает, но в глубине души планировал, как будет играть с ним в следующий раз.

Ему понравилось выражение лица монаха, когда он погружался и тонул в море желаний, явно желая потворствовать, но предупреждая себя, чтобы быть трезвым и сдержанным, и очень сильно спутанным в боли. Он хотел посмотреть, сколько тот сможет продержаться.

Цзы Сюань должен был бы почувствовать облегчение, но его болезненная энергия Ян заставила его почувствовать себя неловко. Энергичная и подлинная ци бесконтрольно выходила из его Даньтяня, безудержно пробегая по его меридианам. Это сразу же ударило по акупунктурным точкам, помогая ему обрести свободу.

Прежде чем Чжоу Юньшэн успел закончить одеваться, он подлетел к мужчине и заключил его в свои объятия. Он надавил на затылок и принялся дико грызть.

Он был полностью под контролем дьявола, глаза тоже покраснели. В его голове эхом отдавалась одна и та же фраза: Не отпускай меня, я хочу провалиться в ад вместе с тобой!

Чжоу Юньшэн только хотел подразнить монаха и сорвать с него святую маску и не собирался идти до конца. Это было в открытой местности, и в любой момент большая группа врагов может прийти, чтобы убить его. Он сделал бы все это в открытую, если бы его жизнь не была в опасности.

Однако он никогда не ожидал, что монах действительно прорвется через акупунктурные точки и внезапно бросится к нему. Он кусался, как дикое животное, без всяких правил, все еще прижимая затылок. Ему не позволяли сбежать.

Чжоу Юньшэн никогда не был настороже перед своим возлюбленным, поэтому он споткнулся и упал в лужу полуосвернувшейся крови. Кровь брызнула, окрасив его щеки, как красный цветок сливы.

Он отчетливо почувствовал отвратительный запах крови, но так как она была выплеснута на красивое и демоническое лицо этого человека, она стала благоухающей. Ладони Цзы Сюаня легли на плечи мужчины, сковывая движения другого. Затем он подошел ближе, чтобы вдохнуть аромат всего своего тела с опьяненным выражением лица. Его красные глаза, тяжелое дыхание и черные как смоль глаза неоднократно говорили Чжоу Юньшэну, что тот сошел с ума.

“Ты вкусно пахнешь”. Цзы Сюань со странной улыбкой прищурился. “Ты собираешься оставить меня вот так? Разве ты не говорил, что хочешь затащить меня в ад?”.

Чжоу Юньшэн высвободил свою духовную энергию, чтобы быстро исследовать состояние монаха. Он быстро сказал: “Цзы Сюань, ты должен немедленно успокоиться, иначе можешь лопнуть и умереть! Ты вышел из-под контроля”. Увидев равнодушную усмешку другой стороны, он высвободился из его хватки, намереваясь снова надавить на акупунктурные точки другой стороны.

Цзы Сюань явно получил серьезные внутренние повреждения, но боевые искусства не ослабевали под противотоком истинной ци. Напротив, она выросла на двадцать-тридцать процентов. Он не только избежал невидимого воздушного потока, но и взял на себя инициативу, заключив мужчину в свои объятия.

Чжоу Юньшэн был потрясен и сказал: “Цзы Сюань, не играй с огнем. Сейчас ты находишься в опасной ситуации”.

Он сожалел о том, что сделал, и знал, что не должен был так долго дразнить его, несмотря на то, что знал, что может подвергнуть монаха опасности.

Цзы Сюань не ответил, но усмехнулся. Его святое выражение лица сменилось злой аурой.

Он не успел полностью надеть одежду и брюки, и его удочка выскочила, слегка капая скользкой жидкостью, время от времени дважды подпрыгивая, очевидно, готовая к работе.

Когда он вспомнил сцены полового акта мужчины с женщиной в борделе в своем воображении, ему не терпелось развязать одежду мужчины. Через несколько раз ему не удалось развязать ее, поэтому он просто разорвал ее внутренней силой.

Чжоу Юньшэн никогда бы не отказал в получении удовольствия своему возлюбленному, но на этот раз все было по-другому. Если он позволит ему делать все, что ему заблагорассудится, и не поспешит помочь своему возлюбленному направить свою ци, он, скорее всего, умрет на полпути. Его желание сделало бы неконтролируемую ци еще более жестокой.

“Цзы Сюань, послушай меня, ты должен остановиться...”.

Но прежде чем он смог закончить говорить, Цзы Сюань ударил мужчину по немой акупунктурной точке и выдохнул: “Ты такой шумный. Это ты сказал, что затащишь меня в ад, и это ты сказал, что отпустишь меня. Что, черт возьми, ты собираешься делать? Но ты был прав. Мы не можем сейчас повернуть назад”.

Покусывая адамово яблоко мужчины, он поглаживал его длинное гибкое тело.

<http://bllate.org/book/14189/1250608>